КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛОГОСЪ.»

335
Б-19

М. Бакунинъ.

БОГЪ
И
ГОСУДАРСТВО.

ПЕРЕВОДЪ
СЪ
ФРАНЦУЗСКАГО.

Книгоиздательство „ЛОГОСЪ“.

М. Бакунинъ.

Богъ и Государство.

Переводъ съ французскаго А. Б.

МОСКВА.
1906.

Пров. 38

БИБЛИОТЕКА
ДОМОВЛЕСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

1311
26

Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ.

Богъ и Государство.

Абсолютисты-якобинцы (революціонеры школы Ж. Ж. Руссо и Робеспьера) провозглашаютъ страшную, безчеловѣчную теорію неограниченнаго права Государства во имя фикціи, именуемой то коллективнымъ интересомъ или коллективной свободой, то коллективнымъ правомъ и волей,—тогда какъ абсолютисты-монархисты, съ гораздо болѣе логической послѣдовательностью, основываютъ ее на ученіи о милости Бога. Либеральные доктринеры,—по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые серьезно относятся къ либеральнымъ теоріямъ,—признавая въ принципѣ индивидуальную свободу, въ то же время, какъ извѣстно, враждебно относятся къ свободѣ Государства, какъ совокупности личностей. Они первые сказали, что правительство,—т.-е. такъ или иначе организованная совокупность чиновниковъ, предназначенныхъ исключительно для исполненія дѣлъ Государства,—было необходимымъ зломъ и что вся цивилизація заключалась всегда въ ограниченіи принадлежащихъ ему полномочій и правъ. Въ дѣйствительности же мы видимъ, однако, что всякій разъ, когда серьезно ставится вопросъ о необходимости существованія Государства, либеральные доктринеры, не менѣе, чѣмъ абсолютисты-монархисты и якобинцы, являются фанатичными приверженцами неограниченнаго права Государства.

Ихъ культъ Государства «во что бы то ни стало», повидимому, совершенно противоположный ихъ либеральнымъ принципамъ, объясняется двояко: прежде всего практически—ихъ классовыми интересами, потому что громадное большинство либеральныхъ доктринеровъ принадлежитъ къ буржуазіи. Этотъ классъ, такой многочисленный и почтенный, желалъ бы только согласовать со своими интересами права и преимущества самой полной анархіи; вся его соціальная экономика, дѣйствительный базисъ его политическаго существованія, признаетъ, какъ извѣстно, единственный законъ—анархію, такъ ярко выразившійся въ этихъ, ставшихъ знаменитыми, словахъ: «Laissez faire, laissez passer». Но онъ признаетъ эту анархію только для самого себя, при единственномъ условіи, чтобы массы, «слишкомъ невѣжественныя, чтобы пользоваться ею, не злоупотребляя», подчинялись самой строгой дисциплинѣ Государства. Ибо, если массы, уставъ работать на другихъ, возстанутъ,—рушится политическое и соціальное существованіе буржуазнаго общества, и мы видимъ всегда и вездѣ, что, какъ только трудящіяся массы начинаютъ волноваться, самые горячіе либеральные буржуа тотчасъ же становятся вновь самыми ярыми сторонниками неограниченныхъ правъ Государства. А такъ какъ волненія народныхъ массъ въ настоящее время дѣлаются зломъ все увеличивающимся и хроническимъ, то мы замѣчаемъ, что и либеральная буржуазія, даже въ странахъ, пользующихся самой широкой свободой, все больше и больше переходитъ на сторону культа неограниченной власти Государства.—Рядомъ съ этимъ чисто практическимъ соображеніемъ есть еще причина чисто теоретическая, ко-

торая тоже заставляетъ самыхъ искреннихъ либераловъ вновь возвращаться къ культу Государства. Они—либералы и называютъ себя либералами потому, что въ основаніе и, какъ исходный пунктъ своей теоріи, они берутъ свободу личности, и именно потому, что у нихъ это служитъ точкой отправленія или основаніемъ, они неизбѣжно, вполнѣ логически, должны дойти до признанія неограниченнаго права Государства.—Личная свобода, по ихъ мнѣнію, не есть продуктъ историческаго развитія общества. Они полагаютъ, что она предшествовала существованію общества, что каждый человѣкъ приноситъ ее съ собою, какъ божественный даръ, при появленіи на свѣтъ вмѣстѣ съ своей безсмертной душой. А изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ есть существо самобытное, вполнѣ цѣлое и въ нѣкоторомъ родѣ абсолютное, только внѣ общества. Такъ какъ человѣкъ свободенъ самъ по себѣ, до и внѣ общества, то онъ и образуетъ послѣднее добровольно, какъ бы по договору, то инстинктивному и молчаливому, то обдуманному и формальному. Словомъ, по этой теоріи не общество образуетъ личности, а наоборотъ,—отдѣльныя личности, побуждаемыя какой-либо внѣшней необходимостью, каковы: работа, война,—образуютъ общество. Изъ этой теоріи ясно, что собственно общества не существуетъ; естественное человѣческое общество, какъ реальная точка отправленія каждой человѣческой цивилизаціи, единственная среда, гдѣ можетъ образовываться и развиваться личность и свобода,— совершенно чуждо этой теоріи. Съ одной стороны, теорія признаетъ только существованіе самостоятельной и свободной личности, съ другой,—въ то же время признаетъ

Государство, т.-е. общество, условно образованное этими личностями въ силу то формальнаго, то молчаливаго соглашенія. (Либералы прекрасно знаютъ, что никакое историческое государство никогда не имѣло въ основѣ своего образованія установленнаго договора, что всѣ они основаны путемъ насилія и завоеванія. Но эта фикція свободнаго договора, какъ основа государства, имъ нужна и они безъ церемоніи пользуются ею).

Человѣческіе индивидуумы, совокупность которыхъ, условно объединенная, образуетъ Государство, по этой теоріи являются существами совершенно особыми и полными противорѣчій. Одаренные каждый безсмертной душой, свободой и свободной волей, имъ присущей, они являются, съ одной стороны, существами безконечными, неограниченными и, какъ таковыя, совершенными сами въ себѣ и черезъ самихъ себя; они находятъ въ самихъ себѣ удовлетвореніе, и, строго говоря, не имѣютъ нужды ни въ комъ, даже въ Богѣ, потому что, будучи безсмертны и безконечны, они сами боги. Съ другой стороны, эти существа грубо матеріальны, слабы, несовершенны, ограничены и безусловно находятся въ зависимости отъ внѣшней природы, которая ихъ захватываетъ, увлекаетъ и, наконецъ, рано или поздно овладѣваетъ ими. Разсматривая ихъ съ первой точки зрѣнія, мы видимъ, что они такъ мало нуждаются въ обществѣ, что оно, повидимому, стѣсняетъ даже самую полноту ихъ существованія, ихъ совершенную свободу. Такъ было съ самаго начала христіанства: люди святые и аскеты, искренне вѣрившіе въ безсмертіе и спасеніе своихъ душъ, порывали всякое сношеніе съ людьми и, убѣгая всякой человѣческой суеты, въ уедине-

ніи искали совершенства, добродѣтели, Бога. Они вполнѣ основательно, логически послѣдовательно смотрѣли на общество, какъ на источникъ разврата, а на абсолютное уединеніе души, какъ на источникъ всѣхъ добродѣтелей. Если иногда они и выходили изъ своего уединенія, это было не вслѣдствіе ихъ потребностей, но изъ великодушія, изъ христіанской любви къ людямъ, которые, продолжая развращаться въ соціальной средѣ, нуждались въ ихъ совѣтахъ, молитвахъ и руководствахъ. Такъ дѣлалось всегда для спасенія другихъ, но никогда не для своего собственнаго спасенія или самосовершенствованія. Напротивъ, они даже подвергались опасности потерять свою душу, входя въ это общество, откуда они съ ужасомъ бѣжали, какъ изъ очага всякаго разврата и, совершивъ свое святое дѣло, немедленно возвращались въ свои пустыни, чтобы въ присутствіи единаго Бога тамъ вновь достигнуть совершенства въ непрестанномъ созерцаніи своего личнаго бытія, своей одинокой души.

Этому примѣру должны слѣдовать всѣ тѣ, которые вѣрятъ въ безсмертіе души, въ прирожденную свободу и свободную волю, если только они хотятъ спасти свою душу и достойно подготовить ее къ вѣчной жизни. Я еще разъ повторяю, что святые отшельники, которые, благодаря уединенію, доходили до полнаго слабоумія, были вполнѣ логичны. Разъ душа безсмертна, т.-е. безконечна по существу, свободна и самобытна, она въ самой себѣ должна находить удовлетвореніе. Только существа преходящія, ограниченныя и смертныя могутъ взаимно дополнять другъ друга; безконечное не пополняется. Наоборотъ, человѣкъ, сталкиваясь съ другимъ, съ тѣмъ, что

не онъ самъ, долженъ чувствовать себя ограниченнымъ, слѣдовательно долженъ бѣжать, сознательно отказываясь отъ всего, что не есть онъ самъ. Я сказалъ, что, строго говоря, безсмертная душа должна быть въ состояніи обходиться даже безъ Бога. Существо безконечное само въ себѣ, не можетъ признать рядомъ съ собою другое, равное себѣ, но еще менѣе такое, которое бы превосходило его, было выше его самого. Всякое существо, которое будетъ такъ же безконечно, какъ оно само и, въ то же время будетъ не имъ самимъ, поставитъ ему грань, а слѣдовательно сдѣлаетъ изъ него существо ограниченное и конечное. Признавая внѣ себя другое существо, такое же безконечное, какъ и оно само, безсмертная душа необходимо должна признать себя существомъ ограниченнымъ, потому что, въ дѣйствительности, безконечное обнимаетъ все, ничего не оставляя внѣ себя. Тѣмъ болѣе безконечное существо не можетъ, не должно признавать другого безконечнаго существа, которое было бы выше его. Безконечность не допускаетъ ничего относительнаго, ничего сравнительнаго; слова «безконечность высшая» и «безконечность низшая» не имѣютъ смысла. Богъ въ сущности нелѣпость. Богословіе, имѣющее правильно допускать нелѣпости и вѣрящее въ нихъ именно потому, что онѣ нелѣпы, поставило надъ безсмертными, а слѣдовательно безконечными человѣческими душами, высшую, абсолютную безконечность—Бога. А въ видѣ поправки для самаго себя оно создало фикцію Сатаны, который какъ разъ олицетворяетъ собою возмущеніе существа безконечнаго противъ существованія абсолютной безконечности — противъ Бога. И какъ возмутился Сатана противъ высшей

безконечности—Бога, такъ святые христіанскіе отшельники, слишкомъ смиренные, чтобы возмутится противъ Бога, возмутились противъ подобной же безконечности людей,—противъ общества.

Они очень разумно заявили, что для того, чтобы спасти себя, имъ не нужно общества; и такъ какъ, въ силу какихъ-то роковыхъ обстоятельствъ они были безконечностями *)... и падшими, имъ было достаточно общества Бога и самосозерцанія въ присутствіи этой абсолютной безконечности.

И я еще разъ заявляю, что этому примѣру должны послѣдовать всѣ тѣ, которые вѣрятъ въ безсмертіе души. Съ этой точки зрѣнія общество можетъ дать имъ только вѣрную погибель. Въ самомъ дѣлѣ, что оно даетъ людямъ? Прежде всего матеріальныя богатства, которыя могутъ быть добыты въ достаточномъ количествѣ лишь совмѣстной работой. Но развѣ для того, кто вѣритъ въ существованіе вѣчной жизни, эти богатства не должны служить предметами презрѣнія? Развѣ Христосъ не сказалъ своимъ ученикамъ: «Не собирайте сокровищъ на землѣ, ибо гдѣ ваши сокровища, тамъ и сердце ваше»,—а въ другой разъ: «Гораздо легче веревкѣ (или по другой версіи—верблюду) пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царство небесное». (Я всегда представляю себѣ при этомъ выраженіе лицъ благочестивыхъ и богатыхъ буржуа, протестантовъ Англіи, Америки, Германіи и Швейцаріи, при чтеніи этихъ притчъ, такихъ ясныхъ, опредѣленныхъ и такихъ для нихъ непріятныхъ):

---

*) неразборчивое слово.